

Op 63.5.
E-22

ЕВРАЗИЙСКОЕ ОЖЕРЕГЛОЕ

АЛЬМАНАХ

ОБЩЕСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
ОРЕНБУРЖЬЯ
ИМЕНИ
МУСЫ
ДЖАЛИЛЯ

2

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАРОДОВ
ОРЕНБУРЖЬЯ ИМЕНИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Op 63.5
E 22
Op 63.5

63. 52 (2Вс-40р)
+ Op 72.92

а-273659
16
R

ЕВРАЗИЙСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

АЛЬМАНАХ ОБЩЕСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАРОДОВ ОРЕНБУРЖЬЯ
ИМЕНИ МУСЫ ДЖАЛИЛЯ

Выпуск 2

Издательство ОГПУ
Оренбург 2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

ЖИВЫЕ ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

Г. П. Матвиевская

В. И. ДАЛЬ — ВОСТОКОВЕД¹

Оренбург, основанный в 1743 г. как город-крепость на реке Яик, сразу стал главной точкой соприкосновения России с Востоком. Здесь сходились пути караванной торговли, отсюда отправлялись русские дипломатические миссии в казахстанские степи и ханства Средней Азии, сюда прибывали посланцы восточных правителей. Более ста лет Оренбург оставался важнейшим постом охраны юго-восточной границы России от вооруженного нападения извне.

Чтобы успешно решать нелегкие задачи внешней политики и торговли, необходимо было хорошо узнать восточных соседей — изучить географию и составить карту центрально-азиатского региона, освоить языки населявших его народов, ознакомиться с его характером и бытом. Это поняли и последовательно осуществляли «устроители» и первые начальники Оренбургского края И. К. Кирилов (1689—1737), В. Н. Татищев (1686—1750), И. И. Неплюев (1693—1773). Вместе со своими помощниками по управлению краем П. И. Рычковым (1712—1777) и А. И. Тевкелевым (1675—1766) они сделали Оренбург центром практического востоковедения.

Но почти одновременно город становился также одним из центров научного востоковедения — ориенталистики, который

¹ Исследования ведутся при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

изучает историю, литературу, памятники материальной и духовной культуры народов Востока. В XVIII веке эти исследования велись главным образом в Петербургской Академии наук. Начало научному востоковедению в Оренбуржье было положено в 1737—1739 гг., когда в должности начальника края находился выдающийся государственный деятель и ученый, первый историк В. Н. Татищев. Он был знаком с восточными языками и проявлял большой интерес к историческим судьбам народов Азии, часто переплетавшимся с судьбой русского народа.

Татищев собирал восточные рукописи, стремясь найти в них сведения, касающиеся истории России. Много внимания, например, он уделил сочинению «Родословная тюрков» хивинского историка XVII в. Абу-л-Гази Бахадур-хана. Он старался организовать перевод трудов восточных ученых на русский язык. С этой целью им была учреждена школа переводчиков при Оренбургской комиссии. Ему принадлежала инициатива создания русско-татарско-калмыцкого словаря.

В этой работе В. Н. Татищеву деятельно помогал его ученик П. И. Рычков, который позднее продолжил начатое дело самостоятельно. Он писал, что поручил купцам, отправлявшимся из Оренбурга в Бухару и дальше, доставать «не жалея денег» рукописные книги по истории Востока на арабском и персидском языках. К их переводу он привлекал толмачей, служивших в Оренбурге.

Полученные из восточных книг сведения, а также материалы о Казахстане и Средней Азии, собранные у путешественников, П. И. Рычков использовал в своих сочинениях. Его «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар понимаются» содержали важные данные о краях, остававшихся в XVIII в. еще совсем неизведанными.

В XIX в. востоковедение окончательно оформилось в самостоятельную науку. В России появились учебные и научные учреждения, задача которых состояла во всестороннем изучении Востока. Четко определились два направления в востоковедении: практическое, подчиненное интересам министерства иностранных дел, и академическое, которое развивалось в Академии наук и университетах — Петербургском, Московском и Казанском.

Оренбургу было суждено объединить оба направления науки о Востоке. Во многом этому способствовала созданная в 1799 г.

Оренбургская пограничная комиссия, в которой видели своего рода филиал Азиатского департамента министерства иностранных дел России. Поэтому её чиновники по долгу службы становились востоковедами-практиками. Среди них прежде всего должен быть назван Г. Ф. Генс (1787—1845), более 20 лет возглавлявший это учреждение.

С другой стороны, ввиду важности внешнеполитической роли, которую играла Оренбургская пограничная комиссия, её штат пополнялся первоклассными специалистами с востоковедческим образованием, которые умели сочетать исполнение своих обязанностей с научными исследованиями. Об этом свидетельствуют биографии известных русских востоковедов П. И. Демезона (1807—1873), В. В. Григорьева (1816—1881), В. В. Вельяминова-Зернова (1830—1904), И. И. Ильминского и других, которые в разное время служили в Оренбурге.

Большое значение для русского востоковедения имело открытие в Оренбурге в 1825 г. Неплюевского военного училища (с 1844 г. — кадетский корпус) — первого военного учебного заведения, где арабский, татарский и персидский языки входили в число главных предметов обучения. Преподавали их такие знатоки восточных языков, как П. И. Демезон, М. И. Иванов (р. в 1812 г.), С. Кукляшев и др.

Необходимо, наконец, отметить, что немалую роль в превращении Оренбурга в крупный центр отечественного востоковедения сыграли военные губернаторы П. П. Сухтелен (1788—1833) и В. А. Перовский (1795—1857). Они стремились к работе специалистов-востоковедов и старались заинтересовать востоковедением других сотрудников.

Благодаря П. П. Сухтелену в Оренбурге оказался П. И. Демезон. С В. А. Перовским в 1830-х годах сюда приехали из столицы В. И. Даль (1801—1872) и талантливые братья Я. В. Ханьков (1818—1862) и Н. В. Ханьков (1819—1878), которые внесли важный вклад в изучение Востока, и прежде всего Средней Азии. Во второй период службы В. А. Перовского в Оренбурге (1851—1857) вместе с ним здесь работали Я. В. Ханьков, В. В. Григорьев, В. В. Вельяминов-Зернов.

По инициативе В. А. Перовского в дипломатических миссиях в Бухару приняли участие П. И. Демезон, Н. В. Ханьков, И. В. Виткевич (1808—1838), записки которых о Средней Азии имели

большое значение как для практического, так и научного востоковедения.

Серьезно занимались вопросами востоковедения многие образованные гражданские и военные, служившие в Оренбурге в это время. Особого упоминания среди них заслуживает В. И. Даль.

В Оренбурге В. И. Даль служил восемь лет (1833—1841) в качестве чиновника особых поручений при военном губернаторе. Служебные обязанности, касавшиеся управления огромным по территории Оренбургским краем, позволили ему хорошо познакомиться с богатой природой и с населявшими край разноязычными народами, сохранявшими свои верования, обычаи, жизненный уклад. Во время частных командировок Даль наблюдал жизнь простых людей, собирал сказки, легенды, пословицы, поговорки, значительно пополнил материалы для своего будущего монументального труда — «Толкового словаря живого великорусского языка», замысел которого тоже созрел в Оренбурге [1].

По делам службы В. И. Далю приходилось постоянно общаться с казаками, состоявшими в российском подданстве, и с представителями Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, вникать в политику этих государств, а следовательно, заниматься вопросами, которые относятся к востоковедению. В этой области он приобрел большие познания. Своим руководителем и наставником В. И. Даль считал Г. Ф. Генса, о котором писал в 1835 г. в газете «Северная пчела»: «Меня здесь Бог натолкнул на клад: не только могу я вам сказать, коли угодно, как зовут хана Бохарского с чадами и домочадцами и весь двор его по имени и отчеству, но почти мог бы взяться отвечать на любой вопрос относительно нынешнего состояния Средней Азии, благодаря от всей души ученого и благомыслящего человека, который, не будучи сам в состоянии, по многосложности служебных занятий, воспользоваться собранными им в течение десятков лет записями, поручил мне вывести из-под многолетнего спуда сведения, за которые весь ученый и неученый мир должен сказать ему, неутомимому собирателю и исследователю, большое спасибо» [2].

Материалы Г. Ф. Ганса касались всех сторон жизни совершенно закрытых для европейцев ханств Средней Азии и основывались, главным образом, на рассказах купцов, привозивших товары в Оренбург, и освобожденных российских пленных, кото-

рых ранее были похищены и проданы в рабство на невольничьих рынках Хивы и Бухары. Из цитированной выше статьи мы узнаем, что В. И. Даль собирался обработать и опубликовать эти материалы. «Все издание мое, — сообщает он, — само собою разделяется на три части:

1. Рассказы русских пленников о Средней Азии, независимой Татарии и Турана и соседственных с ней странах;
2. Рассказы путников и купцов о том же;
3. Объяснения и замечания ко всему к этому, расположенные не отрывками, к которым не знаешь, как приноровиться, отколь подойти, а соединенные в одно целое, в связный рассказ.

Тут же будут приложены родословные Бухарских, Хивинских, Кокандских ханов, Афганских шахов. Не знаю, в каком виде удастся мне издать все это, — но я работаю прилежно и почти половина дела закончена» [Там же].

Свой план В. И. Даль осуществил, хотя, к сожалению, лишь частично. Он опубликовал в разных периодических изданиях целый ряд рассказов русских пленников — Федора Грушина [3], Андрея Никитина [4], Якова Зиновьева [5], урядника Попова [6], Тихона Рязанова [7], портупей-поручика Медяника [8], а также рассказ освобожденных пленников об осаде Герата персами в 1837—1838 гг., в которой им довелось принимать участие [9]. Эти публикации вызвали огромный интерес у современников. Известный востоковед П. С. Савельев упоминал «статьи В. И. Даля, составленные из рассказов русских пленных в Хиве», писал, что «для этнографии края они представляют драгоценные данные, каких напрасно будем искать у ученых-путешественников, и заслуживали бы быть изданными отдельною книгою» [10]. Н. И. Веселовский отмечал, что эти рассказы были изложены «так мастерски, как умел излагать только Даль» [11]. На основании полученных сведений В. И. Даль написал статью «Новейшие сведения о Хиве», которая была напечатана в 1839 г. на немецком и русском языках [12].

Много сведений о Хивинском ханстве приводит В. И. Даль в сочинениях, посвященных зимнему военному походу на Хиву 1839—1840 гг., в котором сам принимал участие. В 1860 г. он опубликовал статью «Военное предприятие противу Хивы» [13], а в 1867 г. — «Письма к друзьям из похода на Хиву» [14].

В 1836 г. В. И. Даль сделал запись рассказа своего друга

прапорщика И. В. Виткевича — польского политического ссыльного, служившего при оренбургском военном губернаторе, — о его смелой поездке в Бухару, где он собрал много интересных сведений о Бухарском ханстве, его хозяйстве, системе управления, нравах и обычаях народа. Эта запись, содержащаяся в рукописи, хранящейся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, была опубликована только в 1983 г. [15].

С большим интересом В. И. Даль относился к казахскому народу, его языку, быту, обычаям. Об этом свидетельствуют как его замечательные литературные произведения на казахские темы «Бикей и Мауляна» и «Майна» [16], так и очерки, носящие этнографический характер, например, «О кумысе» [17]. Глубокие знания казахских степей он проявил в статье о карте, изданной в Берлине Л. Циммерманом [18].

Не меньшее внимание В. И. Даль уделил Башкирии и башкирскому народу. Уже в 1834 г., вскоре после приезда в Оренбург, он опубликовал в Дерптском научном ежегоднике на немецком языке статью «Замечания о башкирцах», которая тогда же в сокращенном русском переводе была помещена в «Журнале министерства внутренних дел» [19]. В художественных произведениях Даля оренбургского периода башкирская тематика также играет значительную роль.

Интерес к фольклору и этнографии татар, башкир, казахов побудил В. И. Даля к серьезному изучению тюркских языков, знакомство с которыми началось у него еще во время турецкой кампании 1828—1829 гг. Он систематически занимался татарским языком под руководством оренбургского муллы, а в своих очерках и письмах отмечал сходство и различие между тюркскими языками, разъяснял значение отдельных слов и оборотов [20]. Анализ работ В. И. Даля, проведенный в настоящее время, дал основание причислить его к первым лингвистам-тюркологам [21, с. 83—84].

Нельзя не отметить еще одну важную заслугу В. И. Даля перед отечественным востоковедением, состоявшую в собирании редких восточных рукописей. Живя в Оренбурге, он общался с людьми, через которых можно было найти рукописи, ценные для науки, и не упускал таких возможностей. Так, по просьбе востоковеда академика Х. Д. Френа (1782—1851) он предпринял поиски рукописи сочинения «Родословная тюрков» хивинского ис-

торика Абу-л-Гази Бахадур-хана (1603—1664). Поиски увенчались успехом. В письме к Френу от 1 мая 1838 г. Даль сообщил, что ему удалось через бухарцев приобрести прекрасный экземпляр сочинения, который он затем передал в Академию наук. Его находка была особо отмечена в академических протоколах и научной печати. Исследованием этого важного исторического документа занялся П. И. Демезон, который впоследствии, в 1871—1874 гг., опубликовал его текст с французским переводом и комментариями [22].

Как видно из материалов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, в 1840 г. он «представил для Академии рукопись, содержащую часть турецкого перевода исторического сочинения известного Табери», а в 1842 г. передал «в дар Академии для Азиатского музея десять восточных рукописей».

Самым ярким свидетельством интереса В. И. Даля к востоковедению и его хорошего знания восточных языков являются выполненные им переводы на русский язык татарских легенд «Жизнь Джингиз-хана» [23] и «Повествование об Аксак-Тимуре» [22]. Первый перевод был опубликован в 1835 г. в журнале «Сын Отечества и Северный архив», второй — в 1838 г. в газете «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”».

В примечаниях к легенде о Джингиз-хане В. И. Даль сообщает, что перевод был сделан с татарского текста, опубликованного в 1822 г. адъюнктом восточной словесности Казанского университета Ибрагимом Хальфиним (1778—1829), а им сказка была «заимствована из какой-то старинной рукописи, отысканной в татарской деревеньке» [23, с. 227]. Дально понравилась эта легенда, которая, «как все сказки, основана на некоторых исторических событиях, перемешана с баснословными преданиями, разукрашена небывальщиною всякого рода и искажена странностями уносчивого восточного воображения.... Сказка эта — вещь неважная, но наравне со многими подобными заслуживает, кажется, быть тиснутою, хотя бы только в повременном издании» [там же]. Примечательны слова Даля: «Стыдненько, что мы доселе не много ознакомились с непространною словесностью азийских народов или около белой Руси обитающих» [там же].

В. И. Даль выражает уверенность в точности своего перевода и называет тех, кто помогал ему — оренбургского муллу и преподавателя Неплюевского военного училища Мартиниана

Ивановича Иванова. «Кажется, перевод верен и близок, — пишет он — впрочем, подлинник во многих отношениях сбивчив и неясен, да притом и словаря татарского у нас в России нет вовсе. Я ссылаюсь во всем, что сделал, на муллу Абдуллу и на учителя татарского языка при Неплюевском военном училище, г. Иванова, который со всегдашним радушием и готовностью нередко служил мне, так сказать, живым словарем» [там же].

Приведем небольшой отрывок из этой сказки, иллюстрирующий достоинства перевода. В нем идет речь о том, как красавица Буртакучюн спасла четырех мальчиков из непокорных родов, которые по приказу Джингис-хана были вырезаны, и хан, узнав об этом, приказал привести ослушницу. «Буртакучюн, отвечав на это: «Хорошо, иду», встала, накинула хребтовую соболью шубу нараспашку, а на нее башмет алого шелку, надела на голову шапку чернобурой лисы и взяла утаенных четырех ребятенок с собою. А ребятам тем было которому одиннадцать, которому тринадцать, а которому и четырнадцать годов и собою бесконечно пригожи. Сама же Буртакучюн была пятерицею пригоже их; и в то время не было человека, выдавшего подобную красавицу; только всемогуществом Божиим могла быть создана такая. Волосы у нее были в сорок сажен маховых и две прислужницы, склав их в золотые чаши, несла их за нею вслед. ... Пан, увидев красоту ее и долгий волос, изумлялся; однако же сказал: «Гой Буртакучюн; для чего ты, утаив детей этих, стала мне виновата воровством?». И Буртакучюн умильно молвила: «О хан! Из сожаления к тебе утаила я их и сделала». И Джингиз-хан спросил: «Да почему же ты меня жалела?». Она же отвечала: «О, хан мой, тяжело будет душе твоей, так я подумала... Ты, будучи ханом, не раб ли Всевышнего бога? И сам лев даже, хотя он и зверь лютый, гонится за добычею вперед, а за тою, которую уже миновал, назад не кидается, а дарует ей волю. ... Хан мой, ты человек, и так даруй жизнь мне и детям этим! Мечь — дело низкое: чернь, не щадящая достоинства, погубила бы и их при общем убийстве, а потому, чтобы не истребились роды их и племена, я их сокрыла». Тогда Джингиз сказал: «Гой, ради убедительных речей твоих, ради просторного, как море, сердца твоего дарую им жизнь и свободу от сотни тысяч смертей».

Примечания

1. Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск. 1970.
2. Северная пчела. 1835. № 15 (19 января).
3. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Лит. прибавл. к «Рус. инвалиду». 1838. № 5. С. 81—86.
4. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Утренняя заря: Альманах, изд. В. Владиславлевым. 1838. С. 188—211.
5. Рассказ пленника из Хивы Якова Зиновьева. (С изустного рассказа) // Санкт-Петерб. ведомости. 1839. № 22—24.
6. Рассказ урядника Попова // Там же.
7. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Утренняя заря: Альманах на 1839 г. (изд. В. Владиславлев). СПб., 1839. С. 74—92.
8. Известия о Хиве, взятые из рассказов кизильского гарнизонного батальона портупей-поручика Медяника, бывшего в плену у хивинцев // Лит. газ. 1840. № 4.
9. Осада Герата, по рассказам пленников // Даль В. И. Собр. соч. Т. 2. 1861.
10. Савельев П. С. Путешествие г. Базинера через киргизскую степь в Хиву // Геогр. изв., издаваемые Рус. геогр. о-вом / Под ред. В. В. Григорьева. 1849. Вып. 4. С. 159.
11. Веселовский Н. И. Русские невольники в среднеазиатских ханствах // Материалы для описания хивинского похода 1873 г. Ташкент, 1881.
12. Новейшие сведения о Хиве // Сын Отечества. 1839. Кн. XII. С. 11—18.
13. Военные предприятия против Хивы // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те. 1860. Кн. 1. С. 147—166.
14. Письма к друзьям из похода на Хиву // Рус. архив. 1867. № 3; Даль В. И. Первое посмертное издание сочинений М. О. Вольфа. 1898. Т. 10.
15. Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно // Записки о Бухарском ханстве. Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича / Отв. ред. Н. А. Халфин. М.: Наука, 1983.

16. Фетисов (Ритман) М. И. Первые русские повести на казахские темы. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950.
17. Нечто о кумызе // Журнал мин-ва внутр. дел. 1843. Ч. 1. С. 138—145.
18. О карте Зауральских степей, изданной в Берлине // Отеч. записки. 1841. Т. 19. № 11—12. С. 32—47.
19. Замечания о башкирцах // Журнал мин-ва внутр. дел. Ч. III. СПб., 1834. С. 293—313.
20. Емельченко И. Р. В. И. Даль и восточные языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 164—196.
21. Библиографический словарь отечественных тюркологов / Отв. ред. А. Н. Кононов. М., 1989.
22. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghazi Behadour Khan / Publ., trad. et annotée par le baron Desmaison. St.-Pet. T. 1 (Texte). 1871; T. 2 (Trad). 1874.
23. Жизнь Джингиз-хана. Татарская сказка // Сын Отечества. Северный архив. 1835. № 4. С. 195—230.
24. Повествование об Аксак-Тимуре. (С татарского) // Лит. прибавл. к «Рус. инвалиду». 1838. № 45. С. 881—885.